

Хотя представители Совета вошли в правительство, но двоевластие, парализовавшее деятельность правительства и ознаменовавшее собой непримиримость цензовой и советской демократии, никуда не исчезло. Этот дуализм лишь изменил форму: теперь он сказывался в провале планов и намерений обеих разделенных и разнородных частей кабинета. Ни одна из этих частей не была достаточно сильна, чтобы осуществлять собственную политику, однако каждой из них хватало сил помешать партнеру выполнить его программу. Результатом был тупик, который раздражал и утомлял и тех и других. У правительства, которое не могло сделать ничего хорошего и ничего плохого, было все меньше *конкретных* поводов вызвать чье-то острое недовольство и все меньше возможностей совершить необдуманый шаг. Однако его скудные достижения (точнее, отсутствие достижений) вызывали медленно накапливавшееся неудовлетворение. Части тянули в разные стороны, нейтрализуя усилия друг друга. В результате и те и другие демонстрировали «топтанье на месте».

Глава 12

КОНФЛИКТ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Народ рассчитывал, что новое Временное правительство пойдет по новому пути, особенно в рабочем и аграрном вопросах.

В декларации коалиционного кабинета говорилось, что трудовое законодательство будет основано на «борьбе с экономической разрухой с помощью контроля над производством, транспортировкой, обменом и распределением продукции, а при необходимости — с помощью реорганизации производства извне». По-другому и не могло быть. Милюков правильно говорил: «Промышленность, которой уже грозил приближавшийся кризис, была вынуждена все больше и больше *существовать за счет государства*». Речь шла о кризисе транспорта и снабжения сырьем и топливом и износе оборудования. Финансировать промышленность без контроля над последней было бы абсурдно. Приближение кризиса не позволяло государству про-

водить политику *laissez faire, laissez passer* [здесь: невмешательства в экономику (фр.). — *Примеч. пер.*]. Защита интересов трудящихся предполагала, что правительство примет меры по оздоровлению экономики в целом.

Еще при первом Временном правительстве был создан специальный Комитет по вопросам труда, целью которого были обсуждение и подготовка проектов законов о труде для их рассмотрения кабинетом. В этот комитет входило восемь членов от рабочих и восемь от промышленников. Девятым членом и председателем комитета был министр труда. Комитет приглашал на свои заседания докладчиков и экспертов с правом совещательного голоса.

Деятельность комитета подробно описана в воспоминаниях В.А. Авербаха, представителя предпринимателей и директора многих промышленных корпораций:

«Министерство труда было явно меньшевистским по составу его руководства и привлекало к работе ученых, зарекомендовавших себя последовательными марксистами... Широкая эрудиция последних позволяла им подкреплять свои аргументы ссылками на зарубежные законы и обычаи, решения съездов и т. п. Отчеты, предшествовавшие рассмотрению проекта закона, тщательно готовились. Было ясно, что все продумано заранее. Наши заклятые враги, члены рабочей фракции комитета, были вооружены до зубов. Когда на первом заседании на нас обрушились формулы, цитаты, имена и названия, причем с необыкновенной легкостью и даже не без изящества, мы были разгромлены еще до начала битвы»¹. Что представители российской буржуазии могли противопоставить защитникам рабочих? Почти ничего, признает Авербах. «Тщательно скрывая подавленность и понимая недостаток собственной подготовки, мы пытались компенсировать его красноречием и искренностью». Избегая дискуссии о сущности проектов, предприниматели подчеркивали их «несоответствие военному времени». «В тот момент решительную борьбу можно было отложить на потом, но бежать от этих вопросов означало бы признать свое поражение». Совет представителей торговли и промышленности создал специальную секцию труда. Та начала лихорадочно собирать материалы, готовить отчеты, записки и меморандумы,

составлять комментарии к проектам законов, готовить собственные проекты и т. д. «Мы почувствовали себя вооруженными, — признается Авербах, — но, конечно, не могли надеяться победить наших оппонентов, которые потратили на подготовку годы. Мы должны были вооружиться, чтобы взрывы шрапнели, начиненной формулами, цитатами и именами, не посеяли панику в наших рядах».

Постепенно представители работодателей почувствовали слабые места оппонентов. «Все проекты, поступавшие в Комитет по вопросам труда, предусматривали значительные расходы из государственной казны, а еще чаще — из национальной экономики» (то есть от самих промышленников). Поэтому капиталисты начали подсчитывать, «сколько каждое «завоевание революции» будет стоить стране»; эти подсчеты «вызвали панику у наших противников». Даже такие бесспорные вещи, как выплата пособий по болезни, инвалидности или старости, «против которых мы не возражали, — пишет Авербах, — заставляли нас пожимать плечами, когда вставал вопрос о том, откуда взять средства для повсеместного внедрения данного закона и при этом не вызвать полного развала экономики».

Изо всех проектов законов, рассмотренных Комитетом по вопросам труда (о свободе стачек, восьмичасовом рабочем дне, ограничении труда детей, пособиях по старости и нетрудоспособности, биржах труда и т. п.), законами стали только два. «Абсолютно безвредный» закон о трудовых биржах и закон о пособии по болезни (основанный на «гентской системе», возлагающей половину затрат на работников и половину на работодателей) споров не вызвали. Но для революционного периода такой результат был ничтожным. «Другие проекты, подвергнутые беспощадной критике, отправлялись в шкаф министра труда и больше оттуда не вынимались». Настроение работодателей хорошо иллюстрирует то, что они называли неограниченное право на забастовку «антиобщественным». Запрет детского труда на фабриках объявлялся «противоречащим суровой реальности», предложение об ограничении труда подростков в сельском хозяйстве — «курьезом». Авербах, с удовлетворением отмечающий эти победы группы работодателей, прекрасно знает, кому пошло на

пользу это упрямство российской буржуазии. Данные проекты, пылившиеся в разных шкафах, «после победы большевистской революции были использованы Советским правительством либо в их первоначальном виде, либо в том виде, в котором они были предложены группой рабочих Комитета по вопросам труда». Разве после этого приходится удивляться росту авторитета большевиков в рабочей среде? Лучшим союзником последних было сопротивление российской буржуазии, которая благодаря существовавшему в комитете паритету успешно торпедировала его работу.

Второй стороной промышленного вопроса была организация контроля за производством. Раскол коалиции произошел уже на первом этапе обсуждения этой проблемы. Министр торговли и промышленности А.И. Коновалов, один из наиболее прогрессивных представителей своего класса, не смог выдержать давления со стороны. 11 мая он со Скобелевым и Терещенко пришел к выводу, что государство должно обложить чрезмерную прибыль от производства военной продукции суровым налогом, направить специальных правительственных комиссаров для управления заводами, на которых конфликт труда и капитала был особенно острым, создать государственные органы наблюдения за производством, а некоторые заводы полностью национализировать. Через неделю состоялась его отставка, наделавшая много шума. Поводом для нее стало то, что государственный контроль за производством должна была осуществлять сеть специальных комитетов по образцу тех, которые уже действовали в кожевенной промышленности, с условием их демократизации. «В условиях современной российской реальности введение демократических органов, — заявлял Коновалов, — приведет к тому, что на наиболее развитые заводы придут люди без экономического опыта, после чего вместо улучшения начнется разруха». Если бы эти обветшавшие доводы принимались во внимание, то ни одна страна не смогла бы перейти от авторитарного бюрократического режима к современной парламентской демократии. Опыт приходит с практикой; конечно, новые общественные слои, пришедшие к власти, были менее опытными, чем старая бюрократическая каста. Этот обычный, но быст-

ро излечимый недостаток компенсировался повышенной инициативой и свободой от рутины. Переход от тирании фабрикантов к общественному и государственному контролю был не менее легким, чем переход от монархии к парламентской республике.

Отставка Коновалова совпала с приездом в Россию английского министра труда Артура Хендерсона. Этот прогрессивный европеец был крайне удивлен чисто азиатскими предрассудками наиболее передовых представителей российской буржуазии. На приеме в Московской торговой палате Хендерсон сказал: «Вам следовало бы знать, что вся промышленность, работающая на снабжение армии, подвергается жесткому контролю со стороны английского правительства, но при этом никаких конфликтов с рабочими не происходит... Интересы государства должны стоять на первом месте... Не думайте, что это социализм, — добавил он. — Это просто временная необходимость в условиях, когда страна сражается за свое существование и территориальную целостность». В заключение Хендерсон упомянул об обратной стороне медали: «Когда началась война, мы попросили рабочих временно отложить борьбу за их права, и они сделали это в интересах государства. Иногда они работали по семь дней в неделю без выходных и праздников».

Слова Хендерсона вызвали горячий отклик у представителей многих предприятий с преобладанием английского капитала*. Они жаловались на бедственное положение промышленности и поведение рабочих не меньше своих русских коллег, но вместо использования старых азиатских методов применили европейские. Их владельцы обратились к правительству с петицией «внедрить на их предприятиях государственный контроль по образцу контроля, используемого в Англии». Это заявление произвело сильное впечатление на прессу, общество и правительственные круги. Левая пресса (эсеровское «Дело народа») назвала это «уроком российским промышленникам». Однако буржуазная пресса подчеркивала тот факт, что «государствен-

* Невская прядильная фабрика, Невская стеариновая фабрика, Невская хлопчатобумажная фабрика, фабрика Воронина, фабрики Люча и Гешера, Спасская хлопкопрядильная фабрика, Калининская фабрика, «Русская нефть», «Уильям Хартаи корпорейшн».

ный контроль, используемый в Англии» лишил рабочих права на забастовку, и настойчиво спрашивала, согласятся ли на это российские рабочие организации и социалистические партии. Конечно, ответ мог быть только отрицательным. Английские рабочие могли с удовлетворением говорить о своих «завоеваниях военного времени», добавившихся к довоенному высокому уровню жизни. Но о русских рабочих сказать то же самое было нельзя. Если бы Временное правительство решило ввести демократический контроль над предприятиями, его главным результатом для рабочих стало бы регулирование реальной заработной платы. Тогда забастовки, которые являлись единственным средством защиты уровня жизни рабочих от его автоматического снижения за счет инфляции, тоже прекратились бы.

10 мая российские промышленники, недовольные самим фактом того, что социалисты вошли в правительство, направили туда большую делегацию во главе с председателем Совета съездов представителей торговли и промышленности, бывшим царским министром Кутлером. Эта делегация попыталась доказать, что требования более высокой заработной платы грозят поглотить весь промышленный капитал. Она умолчала о том, что величина этого капитала была определена в довоенных ценах, а величина заработной платы, вздутой за счет инфляции, — в военных. Затем она попыталась напугать Временное правительство предсказанием всеобщей убыточности и закрытия заводов, после чего государство будет вынуждено их национализировать, не получив взамен ничего, кроме дефицита. Не оставляя сомнений в том, что речь идет о локауте, Кутлер выложил карты на стол и сказал о том, что «рабочим нужно преподать урок», который положит конец их стремлению получить «привилегии за счет общества и национальной экономики в целом».

Министры-социалисты Скобелев и Церетели с цифрами в руках легко доказали, что эгоистические личные интересы промышленников привели к огромной прибыльности военной продукции и снижению уровня жизни рабочих. Чернов разоблачил спекулятивный характер предъявленных расчетов и предостерег от «бесстыдных экспериментов» с локаутами, ко-

торые в революционный период могут оказаться смертельно опасной игрой с огнем. В этих переговорах даже Коновалов поддержал объединенный фронт обоих крыльев Временного правительства и выразил протест против замаскированных угроз работодателей, однако после обвинения в измене своему классу тут же подал в отставку.

Отставка Коновалова показала, что российская буржуазия не способна на сотрудничество с умеренным социалистическим крылом, о котором говорил Хендерсон. Ни один видный промышленник или специалист не пожелал занять его место. И тут умеренные социалисты оказались перед дилеммой. Следует ли им махнуть рукой на коалицию с политическими представителями торговли и промышленности или ради сохранения коалиции отказаться от разработанной социалистами широкой программы перестройки? В результате они дрогнули и уступили. Последствия этой уступки оказались поистине роковыми. Они отказались от идеи публикации специальной правительственной декларации, подготовленной в двух вариантах (социалистическом и буржуазном) Скобелевым и Степановым. В обоих вариантах говорилось о «необходимости коренного изменения экономической жизни страны и внедрения государственного контроля и регулирования». В обоих предлагалось объединить частные предприятия в синдикаты под наблюдением государства. Вместо этого правительство издало обращение министра труда к рабочим, призывавшее их к самодисциплине, самоограничению и многим другим хорошим вещам. Изумленные рабочие стали спрашивать, что именно Временное правительство собирается делать с промышленностью помимо чтения трудящимся изъеденных молью проповедей. Это было главной слабостью Временного правительства: вместо принятия мер по изменению законодательства и управления оно использовало их заменители — призывы и заклинания.

Но полного разгрома всех попыток принять новое трудовое законодательство предпринимателям было недостаточно.

Через своих наиболее воинственно настроенных лидеров фон Дитмара и Тикстона промышленники потребовали, чтобы правительство «подтвердило всему населению, что все законы, не отмененные декретами Временного правительства,

продолжают действовать и что за их нарушение предусмотрено наказание». Они пытались воспользоваться тем, что пересмотреть все царское законодательство, складывавшееся веками, сразу невозможно. Кроме того, работодатели выразили сомнение в праве Временного правительства решать наиболее острые конфликты между хозяевами и рабочими. В противовес петроградскому соглашению о введении восьмичасового рабочего дня и попыткам распространить его на всю страну декретом Временного правительства Московская торговая палата заявила:

«Вопрос о восьмичасовом рабочем дне не может быть решен по взаимному согласию работодателей и рабочих, так как является вопросом государственной важности. В его решении заинтересовано все население, а потому он не может быть предметом временного законодательства, но должен решаться в соответствии с волей народа хорошо организованными законодательными органами... Представители промышленности не считают возможным решить этот вопрос в ближайшем будущем, но склонны пойти навстречу интересам рабочих»².

Если Временное правительство не полномочно решать фундаментальные проблемы трудового законодательства, а все старое законодательство не отменено и остается в силе, то результат ясен. При Временном правительстве рабочие должны жить по старым царским законам, подчиняясь всем требованиям фабриканта и уповая на его «склонность пойти навстречу интересам рабочих».

Промышленники не собирались соблюдать даже такие слабые зачатки нового трудового законодательства, как закон о создании фабрично-заводских рабочих комитетов. Согласно этому закону (№ 9а), такие комитеты обладали полным правом защищать перед администрацией интересы рабочих «в вопросах, касающихся отношений между работодателями и рабочими, в том числе размеров заработной платы, часов работы, правил трудовой дисциплины и т. д.». Но этого «и т. д.» работодатели признавать не желали. Противореча явному смыслу этого перечисления, они доказывали, что вопросы найма и увольнения к нему не относятся. Многие владельцы отказывались позволять членам комитета присутствовать при

найме рабочих. Хотя в законе № 15 четко говорилось, что *все* споры относительно его применения должны рассматриваться согласительной комиссией, работодатели поставили ультиматум с требованием сделать исключение для вопросов найма. Ассоциация промышленников Южного экономического района заявила, что «промышленность сможет продолжать существовать только в том случае, если найм и увольнение рабочих и служащих останутся *исключительным правом работодателя*». Всероссийская конференция ассоциаций промышленников потребовала «прекратить вмешательство фабричных комитетов в сферу компетенции фабричной администрации». Предприниматели Урала заявили, что «ни одна фабричная администрация не признает никаких комитетов и комиссий, что у фабрики есть хозяин и он будет делать на ней что хочет. Что же касается контроля правительства и ответственности, то промышленники его не признали и никогда не признают»³.

К посредничеству Совета рабочих депутатов, безболезненно решившего вопрос восьмичасового рабочего дня, теперь относились с открытой враждебностью. На Ростокинской фабрике Керзона владелец отказался иметь дело с представителем Совета рабочих депутатов, приглашенным рабочим комитетом в качестве «умиротворителя»; он заявил, что «не узнаёт его», и с револьвером в руке выгнал с фабрики как «самозванца». Еще раньше ассоциация владельцев металлургических заводов объявила своим членам, что «новые комиссии, сформированные Советами рабочих и солдатских депутатов, самовольно присвоившими власть и права законных органов, не могут быть допущены на предприятия». Началась кампания против выборных рабочих представителей, которые при выполнении своих обязанностей были вынуждены часто отвлекаться от работы. Совет объединенной промышленности решил, что «в случае систематического отсутствия на фабрике такой человек перестает быть рабочим и в соответствии со статьей 104 никем не отмененного закона о промышленности может быть исключен из списка работников фабрики». Администрация Богословских шахт объявила, что «служащие, выполняющие свои обязанности выборных лиц в ущерб постоянной работе,

будут заменены другими сотрудниками». Министерству труда пришлось издать специальное объяснение, указывавшее, что владельцы фабрик имеют право увольнять членов рабочих комитетов только с разрешения согласительной комиссии или арбитражного суда. Но это объяснение отвергла даже назначенная правительством администрация Путиловского завода, настаивавшая на своем праве увольнять членов рабочего комитета до решения согласительной комиссии и даже угрожавшая уволить всех рабочих предприятия. Это привело к неизбежному результату. На заводе сразу возникло озлобление, готовое перерасти в стачку; не случайно рабочие-путиловцы приняли активное участие в Октябрьской революции.

Крупнейшим недостатком петроградского соглашения между местной ассоциацией промышленников и Советом рабочих и солдатских депутатов являлось отсутствие пункта о стандартных размерах заработной платы. Это был самый насущный вопрос для всей России. Для провинции он был еще важнее, чем для Петрограда; по оплате труда Петроград являлся оазисом в Сахаре первобытной эксплуатации.

Историк должен ответить на два вопроса: (1) были ли справедливыми требования рабочих повысить оплату труда, или их заработная плата увеличилась перед революцией до максимально возможного предела; и (2) были ли справедливыми утверждения работодателей о том, что уровень их прибыли недостаточен для удовлетворения требований рабочих.

На первый вопрос ответили лица и учреждения, которых невозможно заподозрить в предвзятости и симпатиях к рабочему классу.

Одним из них стал царский генерал Рузский, объявленный октябристами и националистами «народным героем» и пользовавшийся доверием правых. На тайном совещании Совета министров от 10 августа 1915 г. генерал Рузский говорил об условиях труда на петроградских фабриках следующее: рабочие трудятся день и ночь и при этом страдают от высокой стоимости жизни; фабриканты не поднимают зарплату, в результате чего рабочие вынуждены работать сверхурочно, чтобы не голодать; этому вопросу нужно уделить самое серьезное внимание и принять срочные меры, иначе возможны забастовки и бес-

порядки; если это случится, то война будет безнадежно проиграна⁴.

Может быть, после 1915 г. материальное положение рабочих резко улучшилось? Обратимся к источнику, еще более враждебно относившемуся к социализму и рабочему движению. Отчет шефа Петроградского жандармского департамента за октябрь 1916 г. содержит такое признание:

«Экономическое положение масс, несмотря на огромную прибавку жалованья, просто ужасающе. У подавляющего большинства жалованье выросло на 50%, у машинистов, литейщиков и электриков на 100—200%, а стоимость товаров первой необходимости за это время выросла на 100—500%».

Опытные жандармы понимали, что ловить «агитаторов» бессмысленно, если наиболее красноречивым агитатором является сама жизнь.

Промышленники постоянно утверждали, что независимо от давления, которое оказывали на них рабочие, они всегда повышали оплату труда параллельно росту стоимости жизни. Рабочие же настаивали на обратном:

«Подавляющее большинство требований фабричных рабочих удовлетворено не было. Отдельные забастовки успеха не приносили; там, где рабочие получали прибавку к зарплате, промышленники с лихвой компенсировали ее повышением цены на продукцию, поэтому рост цен постоянно превышал рост жалованья. Положение усугублялось продолжавшимся падением курса рубля. Мы попали в замкнутый круг, выйти из которого можно только с помощью энергичных мер правительства».

Кто из спорящих прав? Объективные данные приводятся в решениях арбитражных судов. Там, где они создавались на паритетных началах, назначались Временным правительством, министерством труда или еще менее «пролетарофильским» министерством торговли и промышленности, результат всегда был одинаковым. Сведения об оплате труда, приведенные рабочими, а иногда и служащими, оказывались точными. И в этом нет ничего удивительного. Данные Московской биржи труда показывают, что с февраля по июль 1917 г. заработная плата выросла на 53%, а цены на товары первой необходи-

мости — на 112%; при этом ржаной хлеб подорожал в среднем на 150%, картофель на 175%, одежда и обувь на 170%. Беспристрастные цифры заставили работодателей сдаться. Однако эта сдача вызвала протесты их собственных классовых организаций. Петроградская ассоциация промышленников, которая в начале революции уступила духу времени и согласилась на введение восьмичасового рабочего дня, теперь резко свернула вправо и запретила своей секции владельцев типографий подписывать новый договор о заработной плате с профсоюзом печатников; это привело к разрыву секции с ассоциацией. Компромисс, на который согласились владельцы машиностроительных предприятий Петрограда, опротестовал Центральный комитет Совета объединенной промышленности, заявивший, что подчинение его машиностроительной секции решению арбитража «было принято не добровольно, а под нажимом всех заводов этого профиля, угрожавших забастовкой» и что решение правительственного арбитража было вопиющим насилием над «свободой предпринимательства в отношении заключения контрактов».

Поскольку основной причиной головокружительного роста стоимости жизни была инфляция, решения арбитражных судов в пользу рабочих мало помогали делу. Рост заработной платы не поспевал за ростом цен. Выходом из этого положения могло стать только правительственное регулирование оплаты труда, основанное на систематическом официальном расчете прожиточного минимума. Тогда заработная плата повышалась бы автоматически, без нажима со стороны профсоюзов и забастовщиков. Но члена кабинета, который рискнул бы предложить такую решительную меру, коллеги разорвали бы на куски. Во всяком случае, на это никогда бы не согласилось буржуазное крыло кабинета, особенно после того, как оно приняло план государственного контроля над промышленностью.

Введение такого контроля было совершенно логично. Чем дольше шла война, тем больше промышленность работала на нужды фронта. Покупателем ее продукции было государство. Кроме того, правительство давало предпринимателям огромные ссуды на расширение производства и повышение качества продукции, а также авансы в счет будущих поставок.

Если завод начинал приходить в упадок, правительство брало его под свое прямое управление. Возникала парадоксальная ситуация. Когда завод процветал, правительство помогало его процветанию, плоды которого уходили в карман частного; если же производство становилось невыгодным, убытки ложились на плечи правительства, но лишь после того, как были исчерпаны все возможности получения новых ссуд и авансов. Предприниматель был агентом правительства. Он все больше и больше имел дело с деньгами правительства и получал полную возможность изымать из производства собственный капитал.

Сталкиваясь с требованиями рабочих, предприниматель неизменно заявлял, что «очень большой процент заводов работает себе в убыток». К таким заявлениям рабочие относились скептически. Средняя прибыль в царской России по сравнению с Западной Европой всегда была громадной (именно это притягивало зарубежный капитал в российскую промышленность). Во время войны, как и повсюду, эта прибыль значительно выросла. Ежегодная прибыль до и после объявления войны составляла на Кабельном заводе 1,4 миллиона и 3,34 миллиона; на Сормовской фабрике 2,17 и 3,79 миллиона; на Кольчугинском заводе — 2,17 и 4,72; в Объединении тульских фабрик — 1,86 и 8,39 миллиона рублей соответственно.

В самый разгар спора о том, сможет ли российская промышленность вынести бремя повышения заработной платы, газеты опубликовали официальные отчеты, которые резко противоречили жалобам фабрикантов. Сормовское объединение объявило, что выплатит вкладчикам дивиденды в размере 17,5%. Однако размер дивидендов дает слабое представление о реальной прибыли предприятия; почти половина прибыли нетто — 4,8 миллиона рублей с лишним — была списана на инфляцию.

Коломенский машиностроительный завод с основным капиталом в 15 миллионов рублей и оборотным капиталом, составлявшим меньше полумиллиона, закончил год с прибылью, составившей почти 7,5 миллиона рублей.

Конечно, такое состояние дел не могло продолжаться вечно. Положение промышленности ухудшалось по мере ухуд-

шения экономических условий. Военное «процветание» промышленности, обильно удобрявшейся инфляцией, было противоречивым: оно было основано на вынужденном *создании средств уничтожения*. При этом тратились силы рабочих, изнашивалось оборудование и бесконечно напрягалось терпение потребителя. Вскоре начались беспорядки на транспорте, ухудшение снабжения сырьем и топливом, снижение производительности труда. Становилось ясно, что лучшее время для снятия сливок с «военного процветания» российской экономики прошло. Предчувствия были мрачными. «Экономическая разруха» неизбежно повлияла бы на снабжение армии провиантом и боеприпасами и снизила бы ее боеспособность. Но военное поражение означало обложение прямой и непрямой данью побежденных, то есть беспощадное ограбление и без того нищей страны. Это создавало большой соблазн для оттока капитала. Промышленники щедро раздавали дивиденды, но скрывали прибыль с помощью всевозможных уловок типа «удержаний» или «списаний». Они до предела изнашивали оборудование или продавали его, а жалкие остатки бросали правительству, переводили капитал в нейтральные страны, где имелись широкие возможности для международной коммерческой деятельности благодаря полуконтрабандному посредничеству между воюющими державами — иными словами, для создания русского филиала международной спекуляции. Таким был путь наименьшего сопротивления, открывшийся для стяжателей. Временное правительство ограничивало перевод денежных средств и товаров за границу, но тайный вывоз капитала продолжался. Капиталистам требовалось как-то оправдать свое бегство, и самым лучшим предлогом для этого становились требования рабочих. Такие условия предоставляли неограниченные возможности для «крутых дельцов», которых среди капиталистов появилось немало. Некоторые из них сознательно провоцировали классовую борьбу и экономический хаос, другие были бессознательным инструментом истории. Первые стремились перенести свою деятельность в страны, которым не грозила революция; они составляли меньшинство. Большинство (в основном мелкие капиталисты) становилось козлами отпущения за грехи своего класса.

Борьба между предпринимателями и рабочими вскоре перешла во взаимные обвинения. Работодатели обвиняли рабочих в пренебрежении дисциплиной, в падении производительности труда, в слепой и эгоистичной жадности и стремлении подорвать само существование промышленности. Со своей стороны, рабочие обвиняли работодателей в подготовке скрытого локаута с намерением полностью прекратить производство.

Контробвинения рабочих не были выдумкой. Вот что пишет Авербах:

«В Совете съездов представителей торговли и промышленности обсуждалось предложение использовать локаут в ответ на натиск буйных и необузданных рабочих масс; но с государственной точки зрения это было так же неприемлемо, как рабочие забастовки: это стало бы ударом в спину армии. Моральную позицию производителей нужно было изменить — тем более что последствия такого шага без поддержки правительства могли оказаться для большинства очень мрачными. Наконец пришли к выводу, что урок рабочим даст сама жизнь, без всякой организованной «акции», благодаря неизбежному и постепенному закрытию фабрик, что вскоре и стало происходить»⁵.

Общий одновременный и демонстративный локаут был отвергнут. Страхи капиталистов были справедливы: инициаторов локаута разорвали бы на куски, и первой их беспощадного наказания потребовала бы армия. Если бы правительство попыталось защитить их от народного гнева, оно было бы свергнуто еще быстрее и полнее, чем самодержавие. Отдельные локауты «не оптом, а в розницу» диктовались инстинктом самосохранения.

Однако в воздухе запахло кровью. 10 мая глава делегации промышленников Кутлер заявил, что, если правительство не защитит интересы промышленников, рабочие получат жизненный урок благодаря прекращению производства. Министр земледелия Чернов тут же ответил выпадом на выпад и предупредил: «Берегитесь, вы начинаете играть с огнем; результатом может стать пожар, который никто не сможет остановить». Чуть позже один из королей российской промыш-

ленности, П. Рябушинский, публично произнес еще более грозные слова: «Возможно, для выхода из сложившейся ситуации нам требуется обнищание народа; нужно, чтобы костлявая рука голода схватила за горло всех этих фальшивых друзей народа, все эти демократические Советы и комитеты». Эти роковые и непростительные слова эхом разнеслись по всей стране, сея гнев, ненависть и стремление к мести. Несчастные, голодные, безработные, униженные и оскорбленные собирались в России на каждом углу; все страдающие и потерявшие надежду живо откликнулись на эту безответственную угрозу, бессильно скрипя зубами и сжимая кулаки. Это было зловещим предзнаменованием будущего «уличного большевизма».

Слова буржуазии не остались всего лишь словами. Корпорация кожевенных фабрикантов предъявила рабочему комитету ультиматум из семи пунктов; в случае его непринятия она угрожала «рассчитать всех рабочих, мастеров и служащих и закрыть фабрику». Администрация Богословских шахт прислала курьера из Петрограда с девятью условиями; только в случае их принятия она соглашалась «попынуться продолжить дело». Одновременно на заседании комиссии по подготовке трудового законодательства при министерстве торговли и промышленности, обсуждавшей право на забастовку, представители промышленников «энергично настаивали на включении в закон пункта о праве предпринимателей на объявление локута». Буржуазная «Торгово-промышленная газета» в номере от 3 сентября 1917 г. писала, что «среди владельцев заводов наблюдается значительная потеря интереса к делу из-за трудностей с обеспечением сырьем, топливом и материалами, необходимыми для работы. Все это прокладывает путь к скорому закрытию заводов».

Естественно, нежелание фабрикантов создавать условия для продолжения производства рабочие расценивали как умышленный саботаж. Время от времени они вмешивались в управление производством и предотвращали остановку или закрытие предприятия. Профсоюз текстильщиков совместно с рабочим комитетом воспрепятствовал закрытию фабрики Фермана, расценив его как «намеренный саботаж». Хорошо

оборудованная фабрика во главе с управляющим, избранным рабочими, начала функционировать нормально. Профсоюз, понимавший, что «еще не может стать владельцем фабрики», предложил правительству конфисковать ее и назначить туда комиссара, которому можно было бы передать предприятие, работающее на полную мощность. Когда администрация крупнейших на юге Николаевских военно-морских верфей объявила о сокращении производства наполовину без гарантии регулярной выдачи заработной платы в будущем, комитет рабочих и служащих постановил послать своих делегатов на заводы и фабрики, использующие его продукцию, связаться с рабочими комитетами последних и продолжить производство под контролем трудящихся. Владелец фабрики Г. Броннера не однажды останавливал ее. Рабочие взяли управление фабрикой на себя, получили новые заказы и даже кредиты и продолжили работу. Владелец подал на рабочих в суд, вернул себе управление фабрикой, а затем снова остановил ее. В конце концов она была реквизирована правительством. Но самым известным случаем стал так называемый «ликинский саботаж». Его начал владелец текстильной фабрики Смирнов, член объединения владельцев хлопкопрядильных фабрик, председатель Московского военно-промышленного комитета и одно время начальник контрольно-финансового управления Временного правительства. Его фабрика хорошо снабжалась хлопком, но не было торфа; на предложение рабочих собрать его хозяин ответил отказом. Когда Смирнов закрыл фабрику, рабочие обнаружили трехмесячный запас топлива. Владелец подал на фабричный комитет в суд за вмешательство в его дела. В самом центре города Орехово-Зуево начались демонстрации голодных безработных. Московский совет пытался подключить к этому делу министерство труда, министерство торговли и промышленности, комиссию по текстильной промышленности, но все оказалось бесполезно; конфликт тянулся до самой Октябрьской революции.

8 июня состоялось специальное совещание Московской биржи для обсуждения «вопроса об остановке работы фабрик московского региона». Некоторые робко предлагали отложить закрытие до зимы и сделать что-нибудь «для удовлетворения

товарного голода». Но большинство выступило против этого — якобы в интересах самих рабочих, которые осенью могли бы убирать урожай или добывать уголь. В действительности же российская текстильная промышленность имела огромные запасы товара (впоследствии большевистское правительство долго существовало за счет этих запасов), которые после остановки производства можно было продать с большей выгодой.

Класс предпринимателей, который ранее отчаянно сопротивлялся вмешательству рабочих организаций в управление фабриками, теперь решил позволить им принять участие в организации похорон. 20 июня делегаты организаций промышленников встретились с делегатами Московского областного бюро Совета рабочих и солдатских депутатов и представителями министерства заготовок. Совет сформулировал жесткие правила остановки производства: 1) ни одна фабрика не может быть закрыта, если у нее есть запасы сырья и топлива; 2) там, где закрытие признано неизбежным, оно может быть проведено только с санкции специальной комиссии; увольнять рабочих до ее окончательного решения запрещается; 3) в таких случаях созывается общее собрание сотрудников фабрики, резолюция которого для заключительного подтверждения направляется представителям Совета и министерства заготовок; 4) в случае частичного сокращения рабочей недели заработная плата уменьшается не пропорционально этому сокращению; 5) при закрытии фабрики рабочие не считаются уволенными, хотя и не получают зарплаты и б) фабрики должны открыться вновь не позже чем за месяц до начала выборов в Учредительное собрание. Работодатели согласились. Одни — потому, что действительно утратили интерес к делу и были готовы «отрясти пыль от своих ног». Другие — потому, что считали, что в условиях «товарного голода» они могут найти лучшее применение своим капиталам в сфере торговли и спекуляции. Третьи наивно полагали, что шаг, предпринятый ими в интересах сохранения промышленности страны, жесток, но разумен и заслуживает одобрения.

Если бы они знали, что этот «жестокий шаг» является шагом к экономическому самоубийству, то, возможно, не так беспечно устремились бы за своими вождями — «слепой ве-

дет слепого». Русская буржуазия нечаянно и неосознанно сама покончила с собой; большевики нанесли ей лишь *coup de grace* [смертельный удар, прекращающий страдания и нанесенный из милосердия (фр.). — *Примеч. пер.*] и, если так можно выразиться, оказали профессиональные услуги могильщиков.

Было бы абсурдно отрицать значение раскола с рабочими во время революции. Он произошел не из-за невыполнимых требований, предъявлявшихся рабочим классом до начала революции, и не только из-за равнодушия буржуазии. Никто не говорит, что рабочие всегда правы и что во всем виноваты хозяева. Ни одна революция в мире не обходилась без падения трудовой дисциплины, впоследствии восстанавливавшейся с трудом и вопреки сопротивлению масс. Так было и во время Февральской революции. Но даже тогда существовало ядро высококвалифицированных рабочих, имевших достоинство, которое не позволяло им уваливать от работы и бить баклуши. Эти люди любили свою работу и обладали не только профессиональной гордостью, но и странным «влечением к машине», имеющим много общего с любовью крестьянина к своему полю. Рабочие этого типа не однажды доказывали, что могут плыть против течения и сопротивляться мятежной, расхлябанной и безответственной пестрой толпе, которая хлынула на фабрики во время войны, чтобы избежать отправки на фронт. Кто из этих двух элементов возглавит рабочее движение, во многом зависело от поведения работодателей. Но промышленно-феодалный максимализм, абсолютная власть фабрикантов создали свой антипод — максимализм экспроприации, абсолютизм пролетариев, которые понимали социализм упрощенно, видя в нем одновременную конфискацию всех фабрик, немедленное изгнание владельцев и их замену всесильными фабричными комитетами.

Еще 13 марта представители фабричных комитетов крупнейших артиллерийских заводов, собравшиеся в Петрограде, поняли странность ситуации. Поскольку почти вся царская администрация бежала, заводы остались в руках рабочих. В решении этой конференции говорилось, что «комитеты не могут взять на себя ответственность за техническую, административную и деловую сторону производства»; их час еще не пробил и

пробьет лишь тогда, когда будет «полностью завершена социализация промышленности». Однако к концу мая на первой всеобщей конференции фабричных комитетов ее участники заявляли с мест: «Комитеты волей-неволей вынуждены вмешиваться в экономическую жизнь своих фабрик, иначе их давно бы закрыли»; «если мы хотим выжить и спасти производство, то это неизбежно»; «есть только две возможности: согласиться на сокращение производства и увольнения или активно вмешаться в вопросы управления и организации труда на заводе». Чем хуже шли дела, тем чаще забастовщики предъявляли хозяевам ультиматум: если к такому-то числу конфликт не будет улажен, «мы начнем готовиться к конфискации имущества фабрики: готовой продукции, станков и т. д.». На этой стадии возник чисто большевистский план: установить «прямой» контроль фабричных комитетов над производством, затем превратить его в полный контроль над всей фабрикой и провести выборы администрации.

Среди рабочих были влиятельные группы социалистов-революционеров и социал-демократов (меньшевиков), которые понимали, что местные фабричные комитеты окажутся беспомощными в вопросах организации производства. Их вдохновляла плодотворная идея о создании сложной системы общественного и государственного контроля с участием организованного потребителя (кооперативов) и производителей (профсоюзов и Советов), основанной на обязательном объединении заводов, стандартизации как прибыли, так и заработной платы и решении конфликтов строго в рамках закона. Но слепое и упрямое сопротивление работодателей и беспомощность Временного правительства разрушили эти планы. Теперь два непримиримых лагеря стояли лицом к лицу, и буфера между ними больше не было.

Один лагерь говорил: никакого ограничения прав владельца, никакого вмешательства правительства в отношения нанимателя и нанимаемого и *«никаких советов и комитетов»*.

Другая точка зрения была лучше всего сформулирована в выступлении делегата от Путиловского завода, который поднялся на трибуну Петроградского совета с винтовкой в руке и

крикнул: «Сколько мы, рабочие, еще будем терпеть это правительство? Вы собрались здесь, чтобы болтать и соглашаться с буржуазией. Если так, то знайте, что рабочие больше терпеть не намерены. Нас на Путиловском заводе тридцать тысяч, и мы знаем, что нужно делать. *Долой буржуазию!*»

Лицом к лицу стояли два большевизма. Каждый жаждал крови своего противника. Между ними суетились те, кто пытался предотвратить их смертельный поединок.

Упрямство класса работодателей предопределило результат этих попыток. Приведем один характерный факт: в Советах, столь ненавистных буржуазии, большевики составляли меньшинство и не пользовались влиянием. В них преобладали эсеры и меньшевики. Но фабричные комитеты — органы, которые напрямую сталкивались с буржуазным «большевизмом наизнанку», — состояли почти исключительно из большевиков. Когда на первой Петроградской конференции фабричных комитетов выбирали центральный орган, большевики победили объединенный блок эсеров и меньшевиков с огромным перевесом. Это было зловещее предзнаменование, но его не поняли. Большевики, сделавшие Союз фабричных комитетов своей цитаделью, постепенно захватывали Советы, профсоюзы и т. д. Если большевизм выковали Ленин, Троцкий, Зиновьев и иже с ними, то дорогу ему проложили вожди промышленников фон Дитмар, Тикстон и Рябушинский.

Последние верили, что даже временный переход власти к большевикам ничего не изменит: при большевиках демократия обанкротится еще быстрее, «костявая рука голода» покончит с рабочими и заставит их вернуться на фабрики опустив голову. Как жестоко они просчитались! В рабочих созрела мрачная внутренняя решимость вытерпеть любые трудности и голод, лишь бы прогнать своих хозяев, один вид которых вызывал у них злобу. Возможно, в другое время они шархались бы от собственной тени. Но война создала иллюзию того, что национализировать фабрики ничего не стоит. Их работа была основана на заказах и деньгах правительства; в таких условиях до национализации оставался всего один шаг. Вторых, рабочих злил свойственный владельцам «максимализм наизнанку» — упрямство людей, убежденных в своей неза-

менимости. Для рабочих стало делом чести любой ценой доказать этим господам, что они ошибаются. На фабриках возникло опасное стремление навсегда оставить берега буржуазного мира; лучше утонуть в неизвестном океане, чем вернуться назад. Это был странный героизм отчаяния. Отчаяние плохой советчик, но сопротивляться ему невозможно, потому что оно плодит фанатиков.

Эта часть рабочих начала действовать так, словно решила доказать объективность жалоб работодателей на невозможность продолжения работы. Они обостряли каждый конфликт, прогоняли с заводов инженеров, избивали ненавистных членов фабричной администрации, увольняли их, а в конце концов начали нападать на хозяев.

20 сентября Временное правительство получило телеграмму из Харькова:

«Часть рабочих фабрики «Дженерал электрик компани» 18 сентября арестовала всех членов высшего руководства и потребовала согласиться на повышение заработной платы неквалифицированных рабочих. Когда те отказались, их держали под арестом тридцать шесть часов. Государственный прокурор и представители власти никакой помощи арестованным не оказали... В результате рабочие фабрики Герлаха и Пульста последовали примеру товарищей и арестовали свою администрацию на двенадцать часов. Сегодня, 20 сентября, арестовали администрацию Харьковского паровозного завода... Объединенные революционные организации во главе с большевиками на своем последнем собрании 19 сентября приняли резолюцию, которая гласит: «Если в течение трех дней требования неквалифицированных рабочих не будут удовлетворены арбитражной комиссией, то Объединенный Революционный Комитет без колебаний решит конфликт самыми крайними мерами, даже если для этого потребуются арестовать всю ассоциацию промышленников».

Такие телеграммы начали приходить регулярно. Самыми тревожными были телеграммы из Донбасса; владельцы донецких шахт жаловались: «Шахтеры совсем обезумели».

Это были первые лучи кровавого рассвета Красного Октября и начавшейся вслед за ним гражданской войны.

- ¹ *Авербах В.А.* Революционное общество по личным воспоминаниям // Архив русской революции. Т. 14. С. 13—14.
- ² Рабочее движение в 1917 году. М.: Госиздат, 1926.
- ³ *Панкратова А.* Фабзавкомы России. М.: Госполитиздат, 1923. С. 202.
- ⁴ Архив русской революции. Т. 18. С. 66.
- ⁵ *Авербах.* Указ. соч. С. 34—35.